

О ТЕОРИИ ЭГОИСТИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ И КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена теории эгоистического анархизма в контексте философско-правовых воззрений немецкого философа Макса Штирнера. Анализируется значение идей анархизма в целом и их восприятие в российском обществе. Осмысливаются предложенные Штирнером аргументы отрицания государства, а также его авторская альтернатива государственной организации общества — союз эгоистов. Исследуется авторское понимание права через призму его принудительных начал и предложенная альтернатива праву — личное благо. В заключении формулируются обобщающие выводы.

Ключевые слова: анархизм, государство, право, союз эгоистов, личное благо, деспотия, насилие.

THE REJECTION OF THE STATE AND LAW IN THEORY OF EGOISTIC ANARCHISM: A MODERN READING AND CRITICAL ANALYSIS

Abstract. The article discusses the theory of egoistic anarchism in the context of the philosophical and legal views of the German philosopher Max Stirner. It analyzes the significance of anarchist ideas in general and their perception in Russian society. The article examines Stirner's arguments for rejecting the state and his alternative to a state-based society, which he called the Union of Egoists. It also analyzes Stirner's understanding of law through the lens of its coercive nature and his proposed alternative to law, which he called personal welfare. The article concludes with generalizing observations.

Keywords: anarchism, state, law, union of egoists, personal benefit, despotism, violence.

Проблематика государственной организации жизни общества в том или ином виде затрагивается в трудах многих философов и политико-правовых мыслителей. Существует немало теорий происхождения государства как явления, подходов к определению его сущности и социального назначения, формационной и цивилизационной типологии в целом государств, а также множество иных теоретических и прикладных разработок. Практически все

ЕГОРОВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

подобные подходы подчеркивают ценность государства для жизни общества и обосновывают его необходимость. Наряду с положительной оценкой государства существуют и различные теории анархизма, представители которых ратуют за безгосударственное общество. Здесь следует отметить специфику восприятия теории анархизма в отечественных реалиях.

С.А. Ан-ский справедливо отмечает, что в нашем обществе сформировались самые превратные понятия о данной теории. Он пишет: «Анархизм для большинства русских читателей представляется каким-то разбойничьим учением, а сами анархисты — людьми без всякой нравственной основы, стремящимися к разрушению, или ради одного разрушения, или для удовлетворения своекорыстных побуждений» [1, с. 5]. Эта точка зрения имеет вполне рациональное объяснение.

На протяжении практически всей своей истории наш народ выступал за сильного национального лидера, личность которого ассоциировалась с олицетворением высшей государственной власти. Начиная с Соборного уложения 1649 года правовая охрана личности государя обеспечивалась повышенными мерами юридической ответственности. В дореволюционной России любая критика государственной власти, а тем более открытая пропаганда теории анархизма понималась как преступление против государства. В СССР публичное распространение или публичное восхваление идей анархизма расценивалось как посягательство на основы советского строя и квалифицировалось как государственная измена. Таким образом, данное историческое наследие вкупе со сложной геополитической обстановкой наглядно объясняет отрицательное отношение современного российского общества к идеям анархизма.

Вместе с тем развитие политико-правовой мысли настоятельно требует объективных и научно обоснованных оценок. Мы не можем поверхностно и схематично воспринимать идеи представителей теории анархизма как утопические лозунги неких фанатиков, ратующих за возвращение человечества в первобытное состояние.

Идеи умеренных анархистов, то есть сторонников теории классического анархизма, представлены и в отечественной политико-правовой мысли. В частности, М.А. Бакунин полагал, что исчезновение государства «увлечет за собой все несправедливости юридического права и всю ложь различных культов, так как это право и эти культы никогда не были ни чем иным, как услужливой санкцией всяких насилий, нравственных и физических, осуществляемых, поддерживаемых и поощряемых государством» [2, с. 245]. П.А. Кропоткин рассматривал государство как «препятствие для развития общества на началах равенства и свободы» [4, с. 275].

В рамках настоящей статьи целесообразно обратиться к идеям немецкого мыслителя Макса Штирнера {имя при рождении — Иоганн Каспар Шмидт (1806–1856)}. Его доктрина эгоистического отрицания государства и права произвела настоящий переворот в общественном сознании

современников, которые прозвали его «апостолом эгоизма». Система его анархических взглядов подробно изложена в труде «Единственный и его собственность» (1845).

В отличие от классических анархистов М. Штирнер последовательно критикует государство и право с позиции индивидуалистического эгоизма, то есть высшей ценностью мироустройства для него является отдельная человеческая личность. Как писал Г. Тюрк, «Вселенная, говорит Штирнер, это куча материала, из которого я могу созидать все, что мне угодно, как из своей собственности, которую я могу эксплуатировать в свою пользу, насколько у меня хватит умения и силы» [7, с. 9]. Штирнер, считая любые законы проявлением принуждения и насилия, «восстает и против самого факта существования человеческого общества и государства» [7, с. 10–11]. Таким образом, основной посыл его учения вполне очевиден: личность — это высшая ценность, которая стоит выше любых законов и любой государственной власти.

В то же время концепцию индивидуалистического анархизма М. Штирнера вряд ли можно охарактеризовать одним тезисом. Как справедливо отмечает М.А. Курчинский, его взгляды имеют крайне несистемное изложение, что затрудняет их понимание и формулирование соответствующих выводов [5, с. 2].

Обратимся непосредственно к анализу упомянутой работы «Единственный и его собственность» в контексте критики государственной организации жизни общества.

Под понятием «государство» М. Штирнер понимает сообщество лиц, «чувствующих человеческое достоинство». Эти лица объединяются с целью обеспечения собственной безопасности [8, с. 65]. Этот подход созвучен теории общественного договора, согласно которой люди создают государство для обеспечения собственной безопасности. Однако в дальнейшем Штирнер начинает резко контрастировать с этой теорией.

По его мнению, ведущая роль государства, которая обеспечивает нации безопасность, приводит к тому, что государственные интересы полностью подавляют интересы отдельной личности: «Нужно отказаться от себя и жить только для государства. Нужно поступать, не соображаясь с личными интересами, нельзя желать пользы для себя, а только для государства. Таким образом, государство сделалось реальной личностью, перед которой исчезает каждая отдельная личность: не я живу, — во мне живет государство» [8, с. 66].

На наш взгляд, идея Штирнера о том, что государство полностью подавляет личность, делает ее обезличенной, то есть когда все люди равны для государства и имеют равную цену, далека от действительности.

Во-первых, в любом обществе существует определенная социальная иерархия, и ни одно государство не может равным образом относиться ко всем своим гражданам.

Во-вторых, ни одно государство не сможет достичь того, чтобы граждане всю свою жизнь соотносили только с государственными интересами. Сфера частных интересов и потребностей была, есть и будет в любом государственно организованном обществе.

В-третьих, государственная власть не способна выразить интересы всего общества. Следовательно, определенное игнорирование частных интересов неизбежно для достижения общего блага.

М. Штирнер полагал, что воля государства подавляет любую индивидуальную волю, а само государство «не может отказаться от притязаний определять волю отдельного человека, спекулировать и рассчитывать на нее». На этом основании он утверждает, что сущность государства состоит в господстве и рабстве (подданстве), «ибо государство должно хотеть быть господином всех обнимаемых им» [8, с. 136]. Этот подход нуждается в осмыслении.

Ни одно государство неспособно добиться контроля над волей каждого человека, который находится под его юрисдикцией. Даже ярко выраженные тоталитарные режимы не могли контролировать волю каждого гражданина. Нельзя согласиться и с тем, что государственная воля является проявлением господства над своим населением, которое якобы находится в состоянии рабства. В подавляющем большинстве государств прошлого и современности граждане самостоятельно формируют высшую государственную власть, которая не вправе подавлять их волю. Таким образом, подход Штирнера выглядит односторонне утрированным.

Он стремится открыто противопоставить волю отдельного индивида воле государства: «Моя собственная воля — разрушитель государства; поэтому она клеймит государство именем „своеволия“. Моя воля и государство — враги на жизнь и смерть, — враги, „вечный мир“ между которыми немислим» [9, с. 14]. Такой подход таит в себе потенциальную опасность неповиновения граждан законным требованиям государства и недобросовестных манипуляций общественным мнением. Разделяя и пропагандируя такой подход можно подорвать устои любого общества.

М. Штирнер идет дальше и категорично утверждает, что каждое государство по своей природе — деспотия, власть которой основывается на насилии. Он акцентирует внимание на том, что государство терпимо относится лишь к безопасному для себя поведению граждан и «обеспечивает себя слугами, из которых оно образует... весь государственный механизм» [10, с. 108]. Эта идея тоже сомнительна не только в силу ее категоричности.

Еще Аристотель отмечал, что помимо деспотии (власти, основанной на насилии) существуют и иные формы государства: демократия, аристократия, полиция и так далее. Таким образом, нельзя сводить все государства к деспотиям и даже в самых крайних проявлениях тоталитарных государств власть не могла осуществляться только посредством насилия.

Для подтверждения своих неоднозначных взглядов Штирнер использует и религиозную канву. Он пишет: «Государство не может отказаться от претензий на то, чтобы законы и предписания его считались священными. При этом по отношению к государству каждый отдельный считается таким же нечестивым (варваром, дикарем, эгоистом), каким он некогда считался церковью. Пред отдельным государство стоит в ореоле святости» [8, с. 170]. Следует отметить, что обожествление государственной власти является исторически известным фактом и атрибутом современных теократических государств. Большинство государств официально признаются светскими, что в принципе исключает обожествление государственной власти.

М. Штирнер не только рассматривает государство как основанную на насилии деспотию, но и акцентирует внимание на инструментальной ценности права для поддержки этого насилия. Он пишет: «Сущность государства составляет насилие, и насилие свое оно называет „правом“, а насилие со стороны отдельной личности „преступлением“» [8, с. 259].

Такой подход в какой-то мере можно применить к характеристике тоталитарных политических режимов, но ни один режим не может осуществлять свое функционирование сугубо на началах принуждения. На основе такого понимания сущности государства Штирнер противопоставляет государственную волю личному благу отдельного индивида. Признавая человеческое «Я» «смертельным врагом государства», он высказывает убеждение, что любое государство препятствует любому проявлению свободной активности человека, если эти проявления не соответствуют интересам государства: «Я не смею делать всего, что Я в состоянии сделать, но лишь столько, сколько государство разрешает; Я не смею использовать своей мысли, свой труд, вообще ничто свое» [8, с. 298].

С данной точкой зрения можно поспорить, так как государственная власть в первую очередь стремится запретить противоправное поведение для сохранения стабильности в обществе. Если государство установит ничем не ограниченную свободу гражданина, то такое положение дел разрушит любое общество и государство.

Однако Штирнер истолковывает необходимость разумных самоограничений в государственно организованном обществе как стремление власти разобщить людей. Он полагает, что государство в межлических отношениях является посредником, который активно вмешивается в них, тем самым «отрывая человека от человека» [8, с. 337–338]. В данном случае он неоправданно искажает возможности государства. Ни одно государство неспособно контролировать отношения между людьми, если эти отношения не имеют юридического значения (товарищество, дружба, любовь и т.д.).

Помимо подавления воли индивида, государство, по категоричному мнению Штирнера, лишает конкретного человека собственности: «Я – единственный – ничего не имею, я могу получить только лен, я – только ленный владелец. Под владычеством государства нет моей собственности» [8, с. 240].

Он как бы забывает о том, что в любом государстве существует частная собственность граждан. Даже если какое-либо тоталитарное или социалистическое государство монополизирует определенные секторы национальной экономики, это вовсе не означает, что граждане этого государства не имеют никакого личного имущества.

Протестуя против государственно организованной жизни общества, М. Штирнер предусматривает две формы выражения недовольства свободных людей — революцию и восстание. Революцию он считал одновременно политическим и социальным явлением, суть которого состоит в разрушении существующих государственных или общественных порядков. Под восстанием он понимал не открытое сопротивление, а проявление недовольства отдельных личностей условиями своей жизни [8, с. 304]. Представляется, что такое различие этих понятий является выражением субъективных предпочтений мыслителя. Как известно, революцию способны спровоцировать и отдельные личности, а результаты восстаний иногда более губительны для общества, чем революционные потрясения.

Нивелируя значение государства, Штирнер предлагает альтернативу государственной организации жизни общества в форме «союза эгоистов»: «Государство — враг и убийца особенности, союз же — дитя и сотрудник ее; государство — дух, который хочет, чтобы перед ним поклонялись в духе и в истине; союз — мое создание, мое произведение» [8, с. 296]. То есть, по мнению Штирнера, союз является результатом воли отдельного человека. Его суть состоит не только в отсутствии каких-либо властных структур, но и в его бескорыстности. Каждый член объединения может свободно пользоваться любыми благами этого союза, не предоставляя взамен никаких вложений.

Такое понимание формы организации и жизни общества более фантастично, чем коммунистическая община. Невозможно представить себе форму организации общественной жизни, при которой полностью отсутствуют властные отношения, а свобода человека не имеет ограничений. «Союз не сдерживается ни естественными, ни духовными узами. Он не представляет из себя ни естественного, ни духовного сообщества, ни единство крови, ни единство веры (духа) не обуславливают его» [8, с. 227]. Мы можем заключить, что союз эгоистов — это объединение, которое не имеет в своем основании никаких спланированных людей факторов. Тогда невозможно объяснить, что заставит людей уважать интересы этого объединения.

Более того, союз не подразумевает для своих членов каких-либо социальных обязательств. М. Штирнер поясняет: «Обществу ты задолжал всем, что имеешь, ты обязан ему, — одержим идеей „социального долга“; союзом пользуешься ты, и без долга и обязанностей покидаешь его, как только не можешь извлечь из него пользы» [8, с. 228]. Представляется, что в этом заключается порочность предложенной им альтернативы государства. Получается, что как только большинство членов союза придут к выводу,

что возможности союза исчерпаны, и они больше не могут извлекать из него выгоду, начнется массовый выход членов, и союз распадется.

П.И. Талеров, анализируя предложенную М. Штирнером индивидуалистическую критику государства, отмечает ее положительный аспект, состоящий в том, что мы можем не только иначе взглянуть на недостатки государства, но и осознать важность отдельной личности [6, с. 242]. В какой-то мере с такой оценкой можно согласиться. Вместе с тем Штирнер не предлагает разумной альтернативы государству, неоправданно абсолютизирует интересы отдельного человека и выдвигает идею какого-то утопического союза эгоистов, который на практике не может быть жизнеспособной формой социальной организации.

В подтверждение критической оценки индивидуалистического отрицания государства приведем цитату Ж. Бурдо: «Вообразите теперь общество, состоящее из единственных, где право и защита каждого только в его силе. Оно дойдет до того, что самый сильный единственный повалит других на землю, поднимется над ними и будет их эксплуатировать» [3, с. 49]. Следует упомянуть не только про критику им государства, но и его критическую оценку права. По справедливой оценке П. Эльцбахера, руководствуясь идеей личного блага индивида, М. Штирнер отрицает любое право вне зависимости от его национальной принадлежности или исторического этапа [10, с. 111].

М. Штирнер полагал, что подобно государству право объявляется обязательным для соблюдения в силу того, что обществу оно преподносится как безусловная религиозная ценность. Он вопрошает: «Кто может спрашивать о „праве“, раз оно не стоит на религиозной точке зрения? Разве „право“ не есть понятие религиозное, т.е. нечто священное?» [8, с. 247].

По сути, Штирнер критикует право на том основании, что оно предоставляется государством. По его мнению, любое существующее в государстве право является не собственным правом конкретного человека, а правом, которое ему предоставляют «чужие лица»: «Если глупец дает мне право, то я буду относиться к нему недоверчиво; я не желаю его прав. Но если это право мне дает мудрец, то все-таки я еще его не имею. То, что я имею право, совершенно не зависит от глупца или мудреца» [8, с. 129]. С такой позицией согласиться нельзя, так как нормы права создаются в большинстве случаев законно избранными органами государства, а сами граждане имеют возможность принимать участие в правотворчестве. Поэтому нельзя согласиться и с тем, что всякое право — это не право конкретного человека, а право, навязанное ему государственной властью.

Любое право опирается на силу государственного принуждения. Это естественное и необходимое положение дел в обществе. Меры государственного принуждения законодательно определены и не могут быть безграничны. В этом смысле М. Штирнер искажает идею государственного принуждения, заявляя, что если право поглощается силой, то оно нивелируется.

«У кого сила, тот стоит выше закона», — категорично заявляет он [8, с. 220]. Далее Штирнер предлагает и вовсе нереализуемую идею.

Он полагает, что право должно уступить свое место личному благу, которое станет законом для конкретного человека [10, с. 113]. По существу дела здесь речь идет о том, что человек может игнорировать законы государства и руководствоваться только своими личными интересами. Такая деструктивная перспектива была невозможна даже в первобытной общине, члены которой подчинялись обычаям и традициям. Следовательно, замена права как универсального регулятора общественных отношений каким-то абстрактным и произвольным личным благом является нежизнеспособной альтернативой системе социального регулирования.

В заключение приведем собственные выводы об анархизме в целом и о теории Макса Штирнера в частности:

- анархизм как политико-правовое учение недопустимо воспринимать поверхностно или схематично, так как данное учение свое доктринальное оформление предлагает в виде различных концепций и подходов;

- в российском обществе идеи анархизма воспринимаются отрицательно, что вполне объяснимо ввиду особенностей исторического развития нашей страны и специфики нашего менталитета;

- анархическая теория М. Штирнера представляет собой утопический проект, основанный на абсолютизации личных интересов и свободы воли отдельных лиц при одновременном отрицании государства и права;

- для данной теории характерны отсутствие четкой системы изложения основных идей и субъективно-оценочная критика государства и права, не имеющая в своей основе четкой обоснованности; в ней любое известное истории и современное ему государство признается деспотией, основанной на насилии, при этом его сущность состоит в подавлении личных интересов конкретного человека;

- союз эгоистов как альтернатива государству является нежизнеспособной концепцией, так как он может существовать лишь до тех пор, пока может приносить корыстную выгоду своим членам.

М. Штирнер абсолютно необоснованно полагал, что любое право в государственно организованном обществе представляется чем-то искусственно навязанным людям и основывается сугубо на принуждении. На наш взгляд, предложенная им альтернатива права в виде личного блага является нереализуемой идеей, так как если каждый член общества будет руководствоваться только своими интересами, игнорируя законы государства, это не только нивелирует государство, но и разрушит общество.

Список литературы

1. Ан-ский С.А. Что такое анархизм? М., 2020.
2. Бакунин М.А. Из работы «Парижская Коммуна и понятие о государственности: первый опыт социальной революции» // Русская социально-политическая мысль XIX – нач. XX века. М., 2014.
3. Бурдо Ж. Властители дум: пророки силы, добра и красоты. Ренан. Штирнер. Ницше. Толстой. Рёскин. М., 2007.
4. Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории // Избранные труды. М., 2010.
5. Курчинский М.А. Апостол эгоизма: Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. М., 2007.
6. Талеров П.И. Индивидуалистическая критика государства Максом Штирнером // Нравственное измерение и человеческий потенциал права: сборник научных трудов. М., 2017.
7. Тюрк Г. Философия эгоизма. Ницше, Ибсен и Штирнер. СПб., 1898.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.
9. Штирнер М., Ницше Ф. Этика эгоизма. «Нет ничего выше меня». М., 2020.
10. Эльцбахер П. Анархизм: изложение учений: Годвина, Прудона, М. Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Л. Толстого. СПб., 1906.

References

1. An-skii SA. *Chto takoe anarkhizm?* Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Bakunin MA. Iz raboty «Parizhskaya Kommuna i ponyatie o gosudarstvennosti: pervyi opyt sotsial'noi revolyutsii». In: *Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX – nach. XX veka*. Moscow; 2014. (In Russ.).
3. Bourdeau J. *Vlastiteli dum: proroki sily, dobra i krasoty. Renan. Shtirner. Nitsshe. Tolstoi. Reskin* [Les Maitres De La Peasée Contemporaine]. Transl. from French BS. Bychkovskogo. Moscow; 2007. (Russian translation).
4. Kropotkin PA. Gosudarstvo, ego rol' v istorii. In: *Izbrannye trudy*. Moscow; 2010. (In Russ.).
5. Kurchinskii MA. *Apostol egoizma: Maks Shtirner i ego filosofiya anarkhii. Kriticheskii ocherk*. Moscow; 2007. (In Russ.).
6. Talerov PI. Individualisticheskaya kritika gosudarstva Maksom Shtirnerom. In: *Nravstvennoe izmerenie i chelovecheskii potentsial prava: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow; 2017. (In Russ.).
7. Tyurk G. *Filosofiya egoizma. Nitsshe, Ibsen i Shtirner*. Saint Petersburg; 1898. (Russian translation).
8. Stirner M. *Edinstvennyi i ego sobstvennost'* [Der Einzige und sein Eigenthum]. Kharkov; 1994. (Russian translation).
9. Stirner M., Nietzsche F. *Etika egoizma. «Net nichego vyshhe menya»*. Moscow; 2020. (Russian translation).
10. Eltzbacher P. *Anarkhizm: izlozhenie uchenii: Godvina, Prudona, M. Shtirnera, Bakunina, Kropotkina, Tukkerera i L. Tolstogo* [Der Anarchismus]. Saint Petersburg; 1906. (Russian translation).